

Сложность определения предмета информационного права состоит в том, что право уже имеет определенную структуру своих классических (гражданское, уголовное, административное) и вторичных — предметных отраслей (муниципальное, семейное, авторское). И все эти отношения, безусловно, связаны с информацией. Она как материальный и нематериальный объект входит элементом в любые отношения. Но именно те процессы, которые связаны с превращением информации в самостоятельный предмет производственных, управленческих, экономических отношений, и позволяют выделить большой массив отношений в самостоятельную предметную область правового регулирования.

Как представляется, информационное право призвано осуществлять правовое регулирование следующих блоков вопросов:

- 1) организационные проблемы информатизации, государственную политику и органы управления в этой сфере;
- 2) правовой режим информационных ресурсов;
- 3) право на информацию;
- 4) международный обмен информацией;
- 5) СМИ, телерадиовещание, рекламу;
- 6) информационную безопасность;
- 7) информационную деятельность;
- 8) ответственность за правонарушения в информационной сфере.

Регулируя информационные отношения, информационное право проявляется во всех присущих праву методах, средствах и формах. В этом виден надотраслевой характер информационного права. Соответственно такому характеру формируется и система информационного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Копылов В. А. Информационное право: Учебное пособие. М.: Юристъ, 1997.
2. Черешкин Д. С. Оружие, которое может быть опаснее ядерного // Независимая газета. 1995. № 123.
3. Черешкин Д. С., Смолян Г. Л. О стратегии перехода России к информационному обществу // Проблемы информатизации. М., 1999. Вып. 3. С. 3-9.
4. Бачило И. Л. Глобальная информатизация и право // Проблемы информатизации. М., 1999. Вып. 3. С. 10-19.
5. Тиновицкая И. Д. Информационное право и информационные отношения // Проблемы информатизации. М., 1999. Вып. 3. С. 45-49.
6. Информационное право: основы практической информатики. Учебное пособие / И. Л. Бачило. М., 2001.
7. Снытников А. А., Туманова Л. В. Обеспечение и защита права на информацию. М.: Городец-издат, 2001.

*Василий Иванович АЛЕКСЕЕВ —
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права ИГиП ТюмГУ*

УДК 340(47+57) (09)

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ТЮРЕМНОГО ЗАКЛЮЧЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД

АННОТАЦИЯ. В статье нормативно закреплены те положения закона, в которых тюремное заключение в пореформенный период становится самостоятельным наказанием. Лишение свободы в виде тюремного заключения в прошлом *de facto* не считалось отдельным видом наказания, а лишь добавлялось к телесному. Таким об-

разом, сравнивая прошлый период тюремного заключения с пореформенным, в нем мы обнаружим не только устрашение как принцип наказания, заключающийся в лишении свободы по отношению к преступникам, но и ее пенитенциарный характер.

The article consolidates the norms of law, where imprisonment becomes a separate kind of punishment in post-reformatory period. Serving a term of imprisonment have not been used to be an independent penalty de facto, but only an addition to the corporal punishment. Thus, comparing the past period of imprisonment to a post-reformatory one, it can be concluded that not only the deterrent {as a mean of penalty} in the form of imprisonment towards criminals could be revealed, but also its penitentiary character.

С учреждением в 1879 году Главного тюремного управления предстояло разработать одну важную задачу, то есть установить надлежащее соответствие между количеством мест в тюремных учреждениях и численностью тюремного населения. Уже в первые годы количество заключенных более чем на 20% стало превышать общее число имевшихся арестантских мест. Тюрмы были ветхи, большинство построены по казарменной системе, не имели одиночных камер, необходимых для соблюдения сколько-нибудь правильного режима. Между тем в соответствии с законом от 11 декабря 1879 года и нового Уголовного положения 22 марта 1903 года было предусмотрено краткосрочное заключение в тюрьме по одиночной системе и долгосрочное в исправительном доме, при условии содержания в течение первых месяцев в одиночной камере, а затем разобщение на ночь и на время, свободное от работ.

Этот вид исправительного наказания охватывает наибольшее количество случаев, как по числу заменяемых им наказаний действующего законодательства, так и по числу лиц, привлекаемых к ответственности. Из наказаний, установленных действующими законами, заключение в тюрьму заменяет низшие степени исправительных арестантских отделений, рабочего дома и ссылки на жительство, смиренный дом, тюрьму и высшие степени ареста. «К этим наказаниям в местностях, где введена судебная реформа, приговаривается ежегодно свыше 37 000 человек, а во всей империи примерно 60 000 человек» [1].

Преступления, за которые оно должно было быть назначено, как и заменяемые им наказания, в высшей степени разнообразны, начиная от корыстных посягательств на чужое имущество и кончая легкими проступками против благоустройства, благочинья. Среди осужденных к этому наказанию могли быть как рецидивисты, так и значительное количество новичков — еще неиспорченных, попавших на скамью подсудимых вследствие сложившихся обстоятельств, а потому их содержание в тюрьме должно было подлежать по возможности охране от прикосновения с более опытными преступниками.

Основным тюремным кодексом по-прежнему продолжал оставаться Устав о содержащихся под стражей, изданный в 1886 году, он был переиздан в 1890 году. В нем в первую очередь отметим, что все места лишения свободы разделялись на четыре группы, смотря по целям лишения свободы: 1) как мера пересечения способов уклонения от следствия и суда, 2) как мера исправления и наказания, 3) для содержания неисправных должников, 4) для содержания пересыльных арестантов [2]. В 1902 году в изданном продолжении свода законов были произведены некоторые изменения, вызванные законом 10 июня 1900 года «Об отмене и преобразовании ссылки» [3], другие — законом 23 мая 1901 года «О дисциплинарной ответственности содержащихся под стражей» [4].

Законодатель делает акцент на постепенности, индивидуализации наказания и применении строго определенного режима к каждому индивидууму. Главной целью тюремной дисциплины является, таким образом, нравственное перевоспитание преступника, а не телесное наказание, внушаемое чувством мести. «Исторический факт бесконечного разнообразия и изменчивости карательных мер получает здесь свое полное объяснение: изменялись условия казни, изменялся общественный строй, изменялся человек — изменялось и наказание» [5, с. 90].

В нормативном плане основы тюремного режима определялись, главным образом, как это было отмечено выше, Уставом о содержащихся под стражей, Уставом о ссыльных, которые раскрываются совокупностью норм права. Кроме названных законов использовались и подзаконные акты. К ним относятся ведомственные распоряжения — циркуляры Министерства внутренних дел до 1895 года, циркуляры Министерства юстиции — Главного тюремного управления, а также Общая тюремная инструкция, официально введенная 28 декабря 1915 года, а фактически действовавшая с марта 1912 года.

В существующих законоположениях ст. ст. 130, 172-182 Уст. Сод. Страж., ст. ст. 285, 287, 295, 302 Уст. Ссыл. о порядке размещения арестантов проводится основное требование, чтобы арестанты распределялись в тюремных помещениях сообразно полу, возрасту, правам состояния и роду совершенных ими или наказуемых им преступлений, отбывающие наказание особо от состоящих под следствием и судом, с соблюдением строгой изоляции отдельной однородной группы заключенных от всех остальных с целью предупреждения вредного влияния их друг на друга.

На рубеже XIX–XX вв. во всех российских тюрьмах достигнуто полное обособление женских отделений от мужских и, за немногими лишь исключениями, отделений, предназначенных для несовершеннолетних, от помещений, где содержатся взрослые арестанты. Кроме того, по общему правилу каждая из наших тюрем общего устройства разделяется не менее как на три отделения: 1) для подсудимых, 2) для срочных, 3) для пересыльных, — причем в составе каждого отделения, по возможности производится покамерная классификация заключенных [6]. Такая классификация заключенных была не только в тюрьмах, но и в целом в империи. Срочными арестантами считались присужденные к аресту, к заключению в тюрьме или крепости, к отдаче в исправительные арестантские отделения или к заключению в исправительный дом и к каторжным работам, когда приговоры о таких арестантах обращены к исполнению [7]. В интересах раскрытия заявленной темы статьи остановим свое внимание на тюремном заключении.

Н. Д. Сергеевский, изучив тюремные системы Запада и обобщив все сведения об одиночном заключении и других видах содержания заключенных, сделал вывод, что в «настоящее время применяются следующие пять систем размещения и способов содержания заключенных: система одиночного заключения, называемая также келлейною; оборнская система; прогрессивная английская система; прогрессивная ирландская система; система общего заключения» [5, с. 161, 162].

В России «наибольшее количество арестантов, содержащихся в тюрьмах общего устройства, так как в эти места заключения поступают, по общему правилу, арестанты следующих категорий:

- 1) обвиняемые в преступлениях и проступках — для пересечения им способов уклоняться от следствия и суда;
- 2) осужденные во временное заключение в тюрьме в наказание за преступления и проступки;
- 3) осужденные к кратковременному аресту по приговору общих судебных установлений из числа лиц принадлежащих к привилегированным сословиям;
- 4) неисправные должники;
- 5) пересыльные и ссыльные арестанты всех разрядов» [8, с. 17].

Между тем, система общего заключения в значительной степени изъята из европейских тюрем. Везде проведено отделение подсудимых от осужденных, женщин от мужчин, несовершеннолетних от взрослых. Во многих странах вводится классификация осужденных по степени испорченности. Но тем не менее, за исключением Франции, Англии, Бельгии и Голландии, где сделано много для реформы тюрем, старая система совместного заключения остается господствующей во всех остальных странах [5, с. 161–162].

Для правового регулирования исполнения наказания очень важно провести границу (схематично) между целями материальными и юридическими. Именно в материальной сфере, как сказано выше, сосредоточены функции исполнения наказания с выраженным правоохранительным содержанием. Что касается другой функции правового регулирования — динамической, то она находится в тесной взаимосвязи функционирования мест заключения со специфической формой государственного управления. Таким образом, в целом пенитенциарной системе России под руководством Главного тюремного управления на этапе реформирования исполнения наказания в виде тюремного заключения стали прослеживаться две важнейшие составляющие: это, во-первых, строго выраженная вертикаль от ГТУ до администраций тюрем со спецификой управления на местах и, во-вторых, — правоохранительная деятельность, которой принадлежит важная роль в правовом регулировании исполнения наказания. Из вышеизложенного вытекает, что исполнение наказания — это функция уголовной юстиции, и, конечно, цели правоохранительной деятельности есть цели, безусловно, прежде всего юридические. Достижение юридических целей может происходить только в ходе целенаправленной функции правоохраны, которая призвана обеспечить неуклонное исполнение требований законодательства.

Гуманизация тюрьмы предполагала дифференциацию режимов содержания в зависимости от вида преступления и судебного приговора. На основании предшествующего анализа тюремное заключение в условиях развития уголовно-политического этапа заняло в карательной системе государства центральное место. В связи с этим депутат Государственной думы Н. Л. Скалозубов отмечал в отношении тюрем: разумное регулирование режима — мера крайне настоятельная в интересах справедливости и милосердия [9, с. 102]. Реформирование режима содержания происходило параллельно изменениям политической обстановке в стране. До начала первой российской революции администрация тюрем сумела дифференцировать режим содержания между каторжными тюрьмами и арестантскими исправительными отделениями, что было обеспечено однородностью состава заключенных: срочные там составляли 100% [10].

Наряду с примерами, когда удавалось разьединение арестантов между их различными категориями, ГТУ не всегда удавалось провести дифференциацию в связи с разнородным составом заключенных: так, например, в Томском тюремном замке в 1896 году содержалось 58,5% подсудимых, 30,7% срочных, 10,6% пересыльных арестантов. Состав заключенных в тюремных замках Тобольской губернии в 1899 году в среднем включал 41,0% подсудимых, 49,4% срочных, 9,6% пересыльных. Но соотношение этих категорий арестантов по конкретным замкам было различным. В Ишимской и Тюменской тюрьмах число подсудимых достигло 70%, в Тюкалинской и Тарской — число срочных превышало этот предел [13]. При таком соотношении, учитывая сложные материальные условия тюрем, дифференцировать режим было невозможно.

В тюрьмы общего устройства также направлялись осужденные к отдаче в исправительные арестантские отделения в случаях недостатка в них мест или признанные неспособными, ввиду болезни, к работам в этих отделениях и приговоренные, на основании Уголовного уложения, к заключению в крепости, вследствие неимения мест в крепостях. Напомним, что в исправительные отделения поступали только лица мужского пола в возрасте от 17 до 60 лет. Заключение в исправительном арестантском отделении могло отбываться в тюрьме, в случае отдаления арестантских отделений или за неимением в них места, и приговоренные в таком случае могли использоваться на самых тяжелых из установленных в тюрьме работ (ст. ст. 284, 286 Уст. Сод. Страж.). Число лиц, приговариваемых к отдаче в исправительные арестантские отделения в течение последних лет, предшествующих изданию закона 1900 года о сокращении ссылки, увеличилось. И если в 1900 году их количество составляло 15 832 человека, то в 1909 году — 29 600.

Главное тюремное управление неоднократно направляло изданные разновремено инструкции, циркулярные распоряжения о неуклонном исполнении ст. 130, 131, 172-187, 278, 295 Уст. Сод. Страж. (по прод.); ст. 285, 287, 295, 302 Уст. Ссыл. (по прод. 1906 г.); ст. 137 Улож Наказ. по содержанию арестантов в местах заключения. В них прежде всего указывалось о должном размещении сообразно их полу, возрасту, правам состояния и роду совершенных ими преступлений — отбывающих наказание отдельно от состоящих под следствием и судом (Цир. ГТУ №21, 22 мая 1910 г.).

Таким образом, почти не было возможности в точности выполнять требования закона о размещении арестантов, по крайней мере, сообразно их возрасту, правам состояния, роду преступлений и т. д. Правильная постановка этого вопроса в предреволюционные годы и революционные события вызвали немалые заботы ГТУ, когда в местах заключения не имелось одиночных камер, либо их было ограниченное количество. Следует отметить (в соответствии с изложенным порядком и условиями содержания арестантов) и еще один неутешительный вывод. В тюрьмах общего устройства было нарушено правильное соотношение между последовательными ступенями тюремного заключения, т. е. сумма лишений, представляемая низшими ступенями тюремного заключения, должна была быть меньше суммы лишений, предлагаемых высшими по тяжести. Но при нехватке тюремных помещений и смещении ступеней не только тюремного заключения, но и других видов наказания в виде лишения свободы — достичь рационального размещения арестантов становится невозможно. И. Я. Фойницкий предупреждал, что игнорирование одной из коренных аксиом карательной политики «может сопровождаться весьма грустными последствиями: если высшее по роду наказание мягче низшего суммою своих лишений, то арестанты низших родов будут находиться в постоянном искушении совершать новые преступления, чтобы наказание *de facto* смягчилось» [11, с. 332].

Обращаясь к вопросу о порядке распределения тюремного населения по общим и одиночным камерам, следует заметить, что Уложением о наказаниях вообще не предусматривается, в каких камерах, т. е. в общих или одиночных, должны отбывать наказание лица, приговоренные к тюремному заключению. Новое же уголовное уложение предъявляет прямое требование, чтобы арестанты этой категории содержались в одиночном заключении. Только при неимении в этой тюрьме одиночных камер приговоренные к отбыванию тюремного заключения по Уголовному уложению могут отбывать это наказание совместно с другими заключенными. В этом случае четыре дня общего заключения равняются трем дням одиночного заключения (ст. 20). Что касается приговоренных к заключению в крепости, то они и по новому Уложению должны содержаться в общем заключении. При переполнении тюрем, общие камеры обыкновенно предоставляются срочным арестантам, а также тем из подсудимых, которые без ущерба для интересов следствия могут быть объединены вместе, для приговоренных к крепости и пересыльных арестантов.

В одиночных же камерах размещаются важнейшие из подсудимых арестантов и вообще те из них, которых необходимо изолировать в видах успешного хода следствия, а также арестанты других разрядов, когда это признается тюремной администрацией целесообразным по тем или другим соображениям, как, например: имеющие вредное влияние на других, подстрекатели к производству беспорядков, укрывающиеся от злобы и мести своих товарищей, склонные к побегу или изобличенные в покушении на побег, не приятные для окружающих вследствие болезненного состояния, не требующего больничного лечения, душевнобольные до отправки их в лечебницу и др.

На практике в тюрьмах Российской империи нигде нет вполне строго проведенной изоляции. Арестанты видят друг друга и в церкви и на прогулках и, хотя разговоры запрещены, но совершенно устранить их нельзя, — так подчеркнуто в отчете ГТУ. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что дурное взаимное влияние арестантов в

смысле безнравственных разговоров и действий, неподчинение дисциплине и т. п. редко развивается во время работ, совместного посещения церкви, школы, прогулок, обедов, одним словом, когда арестанты заняты и находятся под ближайшим специальным надзором. По общепринятому мнению, одним из самых существенных условий для правильного размещения арестантов, обеспечивающих более или менее успешное осуществление тюремного режима, является наличие в этих учреждениях достаточного количества келий. Но этот важнейший принцип пенитенциарной системы не мог быть проведен в жизнь ввиду отсутствия необходимого количества камер, которых в действительности не хватало для сколько-нибудь сносного размещения наличных арестантов [12, с. 47].

По данным на 1 января 1912 года было 9395 одиночных камер, при общем числе арестантских мест 128 423 [13]. Одиночное заключение, а равно кельи ночного разъединения существуют в местах заключения в довольно ограниченном количестве, составляя в общей сложности всего около 7% имеющихся арестантских мест [14, с. 55].

При одиночном заключении, которое на основании ст. 266 Уст. Сод. Страж. (Т. XIV) Св. Зак. 1890 г., не может быть продолжительнее одного года и шести месяцев, наказание сокращается из расчета: в течение первого года — трех дней за четыре, а в остальные шесть месяцев — двух дней содержания в одиночном заключении за три определенного судом срока заключения. По Уголовному уложению заключение в тюрьме назначается на сроки от двух недель до одного года (ст. 20), а в случаях, указанных в ст. ст. 64, 65 и 67, — до двух лет. Приговоренные содержатся в одиночном заключении, но при неимении или недостатке в тюрьмах одиночных камер они содержатся совместно с другими заключенными, и в этом случае четыре дня общего заключения считаются равными трем дням одиночного. Приговоренные к тюрьме обязательно занимаются заведенными в тюрьме работами. Производятся тюремные работы как внутри, так и вне помещения — во дворах, садах, огородах; но содержащиеся в одиночном помещении отделяются и во время работы.

Приговоренные к тюремному заключению, согласно ст. 266 Уст. Сод. Страж., могут быть помещены в тюрьмы, устроенные по системе одиночного содержания, но не более чем на 1,5 года. Порядок содержания в одиночном заключении определяется, кроме того, циркуляром ГТУ № 20, 1909 года [15]. Согласно этим правилам, каждая келья должна быть не менее 1000 куб. футов. Арестантов могут посещать члены администрации тюрьмы, члены наблюдательных комиссий, где таковые учреждены, члены благотворительно-тюремных учреждений. По происшествии первых двух недель арестанту могут быть разрешены свидания с родственниками и переписка, но в течение второго месяца — 2 свидания и 2 письма, в течение следующих месяцев по 4 свидания и отправление 4 писем в месяц.

Таким образом, тюрьма, место исполнения наказания, является также местом наблюдения над осужденными индивидами. В одиночном заключении тюремное начальство может «ближе» разглядеть каждого арестанта, его интеллектуальный и нравственный уровень. И лишь «затем наступает ночное разъединение с общими работами, обучение мастерству, если оно оказывается нужным, и заботы об интеллектуальном развитии арестанта, имеющие цели убедить его, что только путем честной жизни он может постичь прочного благосостояния» [11, с. 433]. Одиночное заключение, делая лишение свободы более репрессивным и исправительным, позволяет уменьшить сроки его, а значит, уменьшить сроки заключения и уменьшает государственные издержки.

Администрация тюрьмы в динамической модели правового регулирования реализует требования тюремного режима, дает оценку заключенному с точки зрения соответствия его режиму. «У арестанта, желательно, чтобы был постоянно страх перед постоянно и аккуратно выполняемой дисциплиной. Тогда это уменьшит чис-

ло рецидивистов» [16]. В связи с вышеизложенным, на тюрьму, как сказано выше, возлагаются специфические управленческо-государственные функции по обеспечению выполнения режима, которые при необходимости может осуществлять силовое принуждение, определять различные санкции к тому или иному арестанту. Особное значение в каждой тюрьме имеет ее руководитель, под властью которого сосредоточено все управление. Придание ему обеспеченного и самостоятельного положения составляет необходимое условие всякой правильно организованной тюрьмы [17, с. 252].

Поэтому с точки зрения логики исследования остановим внимание на нормах, определяющих режим в тюрьме и их реализации в динамике процесса исполнения наказания. Дисциплинарные взыскания в тюрьмах могут быть весьма разнообразны. Дисциплинарная ответственность ссыльно-каторжных и ссыльно-поселенцев определяются Уставом о ссыльных, а дисциплинарная ответственность иных категорий — Уставом о содержащихся под стражей (Св. Зак. Т. XIV, 1890 г. изд.). В соответствии со ст. 395 Уст. Сод. Страж., к арестантам, содержащимся под стражей в исправительных арестантских отделениях и тюрьмах, мог применяться арест в светлом карцере не свыше 1 недели, а арест в темном карцере на срок не свыше одной недели с переводом в светлый карцер и с разрешением прогулки через 3 дня в четвертый. За нарушение в исправительных арестантских отделениях в более важных случаях арестанты подвергаются: 1) аресту в светлом карцере до одного месяца; 2) в темном — не свыше месяца с переводом в светлый карцер и с разрешением прогулки через каждые три дня (Ст. 396 Уст. Сод. Страж.).

Проверкой (ревизией) ГТУ Радомской, Келецкой тюрем в 1909 году установлено, что администрациями накладывается на арестантов большое количество взысканий. Но, как свидетельствует соответствующий документ (штрафной журнал), это объясняется неуклонным преследованием малейшего нарушения порядка, однако без лишней придирчивости [18]. В Санкт-Петербургской пересыльной тюрьме для поддержания порядка и дисциплины на арестантов налагались денежные штрафы, заключение в карцер светлый, темный. В 1879 году наказаний занесено в штрафную книгу — 510; в 1886 г. — 203; в 1881 г. — 304.

Об установленном тюремном режиме можно судить по размерам применения телесных наказаний. Нижеприведенные сведения по Псковской тюрьме свидетельствуют о наказании 130 человек 5625 розгами с весны 1909 года по осень 1911 года [19, с. 30]. В 1903 году было отменено приковывание к тачке, бритье половины головы и треххвостовой плети. Но отмена этих легальных средств, унижающих человеческое достоинство, компенсировалась применением других — низами тюремной администрации. Так, Павел Колосов, арестованный за кражу 48 тысяч рублей, подал прошение министру юстиции о привлечении лиц, производивших дознание и следствие, за применение пыток и истязаний. Суть дела он изложил следующим образом. После ареста 25 октября 1912 года его привезли в один из пустующих домов и в присутствии хозяина дома Анисима Терского, сыщика-любителя, подвергли истязанию. Истязания заключались в неоднократном подвешивании на дыбу к находящемуся в потолке крюку и кольцам, вывертывании рук, душении за горло, нанесении ударов по бокам в висячем положении и, наконец, в окуривании дымом зажженной тряпки [20]. «В Таганрогской окружной тюрьме из книги дисциплинарных взысканий, налагаемых на арестантов, видно, как Борис Бритарев в течение августа–ноября 1914 года наказан темным карцером — 5 раз» [21]. В Кутомарской тюрьме в 1913 году арестант Усков отказался снимать шапку при подходе начальника тюрьмы: «Я шапку снимать по команде считаю ниже своего достоинства», — за что был подвергнут 20 ударам [22]. Исходя из вышеизложенного, как видно, не обходится без произвола администрации. В подобном случае лишение свободы превращается в физическое томление арестанта с доходящим до мелочей надзором.

Дисциплинарные меры налагаются в Петрограде — начальником ГТУ, а в прочих местах — по соглашению начальника места заключения с лицом прокурорского надзора и тюремным инспектором. Последний, с утверждения губернатора, «упорствовал каждой из дисциплинарных мер», и причина, по коей к ним должно прибегнуть, записывается с точностью, и написанное подписывается начальником места заключения» (ст. 400, 403 Уст. Сод. Страж).

Рядом с дисциплинарными мерами в законодательстве стоят разные средства обуздания арестантов, из которых иные применяются к некоторым категориям арестантов в качестве дисциплинарных мер. Таковы кандалы. Кандалы непременно надеваются на каторжных из разряда испытуемых, на бессрочных каторжных — ручные и ножные, на остальных каторжных отряда испытуемых — только ножные. Устав о ссыльных (ст. 94) называет эти кандалы оковами ручными и ножными. В виде исключения ножные оковы налагаются на каторжных женщин в случаях, предусмотренных ст. 261 Уст. Ссыл.

Таким образом, режим выражает сущность и содержание наказания, поскольку в нем осуществляется кара, т. е. совокупность применяемых к осужденным мер принуждения и правоограничений, одновременно — тюремно-дисциплинарные взыскания, устанавливаемые т. XIV Св. Зак.: бритье головы, изнурительные работы, карцерное содержание и, что самое унижительное, телесные наказания в виде дисциплинарного наказания. Конечно, «тюремное заключение есть прежде всего наказание. Оно должно быть репрессивно, и весьма важно избегать той ложной филантропии, которая желала во что бы то ни стало улучшить участь узников, забывая, что при этом тюрьма могла бы стать наградой вместо кары» [11, с. 322], но оно не должно унижать арестанта.

Самостоятельное значение имеют нормы режима, регламентирующие предупреждение преступлений и иных правонарушений как со стороны осужденных во время отбывания ими наказания, так и иных лиц. Они включают правила охраны и надзора за осужденными, применения мер безопасности, проведения различных профилактических мероприятий. В связи с этим ГТУ от 21 апреля 1909 года, № 10, циркулярно издало распоряжение в целях устранения возможности незаконных сношений арестантов как между собою, так и с внешним миром, а также для предупреждения неоднократно имевших место ранее покушений на массовые побеги из тюремных церквей [12, с. 49]. В частности, нельзя не обратить особого внимания на следующие упущения в деле поддержания порядка и дисциплины в местах заключения и предупреждения побегов из них. Многие проступки заключенных остаются безнаказанными, следствием чего зачастую является полная распущенность тюремного учреждения [23].

Пролетарский этап освободительного движения дал большое количество заключенных на рубеже веков и еще больше в период революционных событий 1905–1907 годов, соответственно, стали неизбежными многочисленные побеги арестантов из тюрем.

Если обратимся к анализу абсолютных цифр о побегах арестантов, то их общее максимальное количество приходится на 1906–1907 годов и соответственно будет составлять 3271 и 2730 человек. При этом замечается та особенность, что в 1909 году уменьшилось абсолютное число бежавших из тюрем общего устройства, а число побегов из исправительных арестантских отделений несколько увеличилось [24, с. 53].

В 1909 году из зданий и дворов арестантских отделений бежал 21 арестант, а с работ вне тюремной ограды — 171 арестант, т. е. в 8 раз больше. Из зданий и дворов тюрем общего устройства бежали 543, а с работ вне тюремной ограды — 482 арестанта, т. е. несколько меньше, чем из самих тюрем. В 1907–1909 гг. из общего числа 5508 побегов произошло во время внешних работ 2340 (42%), 1867 побегов (34%) —

побеги из тюремных зданий, 894 (16%) — из тюремных дворов, и 407 (8%) — из больниц тюремного и других ведомств [25].

Удачный исход самовольного освобождения арестантов, помимо неудовлетворительного устройства зданий, как это неоднократно указывалось в соответствующих циркулярах министра юстиции и начальника ГТУ, свидетельствует о недостаточно усердном исполнении чинами тюремного управления служебного долга. Так, например, 25 марта 1908 года в Ковенской тюрьме арестанты в составе 22 человек приговоренные к каторжным работам на разные сроки, напоили водкой стоявшего в коридоре возле них надзирателя Козловского, и когда он заснул, все вышли из камеры и, вынув револьвер из кобуры, сбежали из тюрьмы [26].

О халатности тюремной администрации, о послаблении режима содержания арестантов свидетельствуют и другие примеры, в частности, побег из карцера трех арестантов Курганского тюремного замка. Проведенное дознание показало, что смотритель замка Радзинский пренебрегал обязанностью проводить осмотр карцера, считал это излишним. Арестанты воспользовались слабым надзором за ними, вскрыли деревянный пол, настланный сверх каменного, а со стороны мастерских мастеровые подготовили подкоп и передали в карцер инструменты через разобранную стену. Однако смотритель считал, что деревянный пол был очень плотно пригнан к плоскости стен, а потому он никак не мог подумать о возможности вскрытия деревянного пола и осуществления подкопа. А надзиратель Карпович вообще не понимает, «каким способом арестанты подняли пол и разобрали стену», и то, что это сделано извне, «ему все равно становится непонятным» [27].

К числу мер, принятых для борьбы с арестантскими побегами, следует причислить и введенную в России в 1907 году дактилоскопическую систему регистрации наиболее важных преступников с целью более успешного установления их личности в тех случаях, когда по задержании они отказываются объявить свое имя и звание, предпочитая идти навстречу обвинению в бродяжничестве. Центральное Дактилоскопическое Бюро, учрежденное при ГТУ, в течение 1907-1913 гг. зарегистрировало свыше 60 000 дактилоскопических листков и дало уже вполне осязаемые результаты, выразившиеся в установлении личности свыше 500 человек бежавших и затем задержанных каторжников [6, с. 372].

При изучении архивных документов обнаружился факт неправильного понимания задачи дактилоскопии смотрителем Тобольского тюремного замка. В результате расследования, связанного с подследственным — бродягой, именовавшим себя Петром Ивановичем, тюремный инспектор продублировал циркуляр МЮ-ГТУ № 19, 18 мая 1913 г. в места лишения свободы, в котором сообщалось следующее: этот бродяга, покончивший жизнь самоубийством, содержащийся в Тобольском замке около 1,5 лет, был своевременно дактилоскопирован, но дактилоскопический листок остался без движения, т. е. был продержан в деле арестанта в ожидании, как объяснил смотритель замка, — пока не будет судебным и полицейским расследованием установлена личность бродяги. Отмечая этот факт как пример неправильного понимания (вполне ясного по мысли) указания Главного тюремного управления о задачах дактилоскопии, власти вынуждены были, в предупреждение подобных случаев, предложить следующее в подтверждение циркуляров Главного тюремного управления от 23 мая 1906 года и 30 декабря 1906 года № 30, № 39:

1. Всех арестантов, привлекаемых к ответственности за бродяжничество, дактилоскопировать немедленно и не далее как через три дня листок направить в Центральное Дактилоскопическое бюро.

2. В том случае, если почему-либо дактилоскопирование или отправка листка по какой-либо причине замедлилась, восполнить это при первой возможности и о причине медлительности донести мне [28].

Вышеприведенные примеры наглядно показывают, что одновременно режим устанавливает правила поведения всех субъектов и участников правоотношений. С одной стороны, тюремное ведомство стремится к ограничению своеволия и обузданию арестантов, а с другой стороны, — к повышению ответственности чинов тюремной системы, дабы они строго следили за тем, «чтобы камеры, в которых содержатся заключенные, были всегда заперты, чтобы не допускался переход арестантов из одной камеры в другую и чтобы в камерах не устраивались занавески и загородки, затрудняющие или даже делающие совершенно невозможным надзор» [29].

Другим циркулярным распоряжением ГТУ 1 сентября 1909 г., № 44, было указано на необходимость принятия решительных и целесообразных мер к предупреждению случаев нападения арестантов на чинов тюремной администрации и надзора также и при других обстоятельствах тюремной жизни. ГТУ было рекомендовано размещение особо опасных преступников в отдельных камерах или небольшими партиями; своевременное заковывание их в кандалы; частое и обязательное производство у них обысков, особая осмотрительность при выводе из камер; наряд достаточного количества надзирателей для наблюдения за ними во время прогулок.

Таким образом, в соответствии с основными положениями закона от 11 декабря 1879 года «Об основных положениях, имеющих служить руководством при преобразовании тюремной части и пересмотре Уложения о наказаниях» на законодательном уровне формируется нормативно-правовая база, обеспечивающая исполнение наказания в тюрьмах. Устав о содержащихся под стражей 1896 года конкретизирует основные средства пенитенциарно-педагогического воздействия на личность заключенного. Среди первоочередных задач предупреждения порчи нравственности Уставом допускается разъединение арестантов, одиночное заключение, режим исполнения наказания, который в тюрьмах приобретает дифференцированный характер, что выражается в объеме правоограничений, применяемых к различным категориям преступников в зависимости от объекта преступного посягательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ. Ф. 122. Оп 1. Д. 176. Л. 110.
2. См. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею. Т. XIV. Изд. 1890 года. (в дальнейшем Уст. Сод. Страж.). Ст. 1.
3. ПСЗ. № 18 839.
4. ПСЗ. № 20 121.
5. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Пг., 1915.
6. См. Краткий очерк деятельности Главного тюремного управления (в дальнейшем ГТУ) за первые XXXV лет его существования (1879–1914 гг.) // Тюремный вестник. 1914. № 2.
7. ТФ ГАТО Ф. 18. Оп. 1. Д. 74. Л. 57.
8. Отчет Главного тюремного управления за 1908 г. СПб., 1910. С. 17
9. См. 400 лет Тобольску. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1987.
10. ГАТО. Ф. 3. Оп 26. Д. 1300. Л. 1
11. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. СПб., 1889.
12. См.: Отчет ГТУ за 1909 год. СПб., 1911. С. 47.
13. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 3183. Л. 26.
14. Познышев С. В. Очерки тюремоведения. СПб., 1915.
15. См.: Сборник циркуляров, изд. по ГТУ в 1879–1910 г. г. Ч. 2, прилож. к Цир. 1909 г., № 20.
16. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 1842. Л. 73.
17. См.: Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Т. 2. СПб., 1915.
18. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 4832. Л. 25.
19. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. Т. 4. М., 1962.
20. ГАРФ. Ф. 122 Оп. 5. Д. 3123. Л. 59.
21. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 3119. Л. 12.
22. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 5. Д. 3159. Л. 54
23. Сборник циркуляров...Цир. ГТУ № 35, 6 апреля 1906 г.

24. См.: Отчет Главного Тюремного управления за 1909 год. СПб., 1911. С. 53.
 25. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5432. Л. 54.
 26. ГАРФ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 5432. Л. 4.
 27. ГАТО. Ф. 331. Оп. 15. Ед. хр. 65. Л. 8, 12.
 28. ТФ ГАТО. Ф. 18 Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 108.
 29. Сборник циркуляров Цир. ГТУ № 14, 15 июня 1906 г.

Андрей Александрович ЧУКРЕЕВ —
 ассистент кафедры трудового и
 предпринимательского права
 Института государства и права
 ТюмГУ

УДК 347. 19

О СУЩНОСТИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

АННОТАЦИЯ. Эта статья о сущности юридического лица. Автор анализирует два основных научных подхода к природе юридического лица – «теорию юридической фикции» и «реалистическую теорию», исследует некоторые вопросы воли юридического лица и его вины. В заключение предлагается оригинальное определение понятия «юридическое лицо».

This article is about the essence of the juridical person. The author analyses two basic scientific approaches to the nature of incorporated person – «the doctrine of juristic fiction» and «the realistic doctrine»; he researches some questions of the will of juridical person and his guilt. In conclusion the author offers his own definition of the concept of juridical person.

Раскрытие сущности юридического лица является одной из интереснейших и в то же время сложнейших проблем юриспруденции, привлекающей уже несколько столетий пристальное внимание теоретиков права, цивилистов и представителей других юридических наук во всем мире. Однако до сих пор не существует адекватной общепризнанной теории, которая всесторонне бы объясняла природу анализируемого феномена [1, с. 103]. В этой связи научный поиск в данном направлении не теряет в обозримом будущем своей актуальности.

В рамках общепринятого в советской цивилистике понимания юридического лица как реально существующего явления, обладающего людским субстратом, выдвинулось три основные трактовки сущности государственного юридического лица: *теория коллектива* (С. Н. Братусь, А. В. Венедиктов, В. П. Грибанов, О. С. Иоффе, Г. К. Матвеев и др.), *теория государства* (С. И. Аскназий) и *теория администрации*, или *теория директора* (Н. Г. Александров, М. В. Гордон, Ю. К. Толстой). Несколько обособленно в трактовке соотношения юридического лица и его субстрата стояли *теория социальной реальности* (Д. М. Генкин) и примыкавшая к ней *теория организации* или *теория социальных связей* (О. А. Красавчиков, Б. Б. Черепухин), а также *теория юридических средств* (Б. И. Пугинский) [1, с. 85-89; 2, с. 110-152; 3, с. 95-118; 4, с. 58-71; 5, с. 123-124].

Теория коллектива, фундаментально обоснованная А. В. Венедиктовым в известном труде 1948 года «Государственная социалистическая собственность», оказала определяющее влияние на развитие взглядов советских ученых относительно сущности юридического лица. А. В. Венедиктов писал: «Мы можем определить юридическое